

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА — система норм и ценностей, а также парадигма приоритетного поведения в рамках протестантизма (термин «П.Э.» введен в социологии религии; в контексте собственно протестантской литературы, как правило, не употребляется). В эволюции П.Э. могут быть выделены следующие этапы: 1) раннепротестантская этика, соответствующая ортодоксальной теологии, — 16 в. (Лютер, Кальвин); 2) неопротестантская этика, соответствующая либеральной теологии, — 18—19 вв. (Шлейермахер, Трельч, А. фон Гарнак и др.); 3) этика диалогического ригоризма, соответствующая диалектической теологии («теологии кризиса»), — первая треть 20 в. (К. Барт, Э. Бульман и др.); 4) этика «общей жизни», соответствующая радикальной («новой») теологии, — вторая треть 20 в. (Д. Бонхеффер и др.); 5) современная этика «безрелигиозного христианства» («этика освобождения»), соответствующая деконструктивистской теологии постмодерна, дифференцирующей на теологию «смерти Бога» (Г. Ваханян, Г. Кокс, У. Гамильтон, П. ван Бурен и др. — см. «Смерть субъекта») и теологию «смерти теологии» (Т. Альтицер, К. Рашке, М. Тейлор и др.).

В ходе своей эволюции П.Э. претерпевает (при сохранении аксиологической определенности нравственных приоритетов) достаточно существенные трансформации: если для раннего протестантизма нетипично ни развитие разветвленной концептуальной теологии как таковой, ни дисциплинарное конституирование нравственной теологии и нравственный кодекс раннего протестантизма выступает в виде неформальной системы этических предписаний (ср. с жестко фиксированным декалогом), то для поздних версий протестантизма (начиная с либеральной теологии) характерно оформление эксплицитно артикулированных моральных систем. Несмотря на указанную специфику своего статуса (в сравнении с каноном евангельских заповедей), П.Э. выступает семантическим ядром протестантизма, и ее содержание является фундаментальным как для ранних доктрин эпохи Реформации, так и для современных модификаций протестантизма (см., например, доминирование моральных доказательств бытия Божьего в протестантизме — в отличие от приоритета онтологического, космологического и телеологического доказательств в католицизме и православии).

Это обусловлено тем, что, достигая в протестантизме максимального своего проявления, теизм снимает как организационноинституционные, так и формально-ритуальные опосредования отношений между человеком и Богом: диалог не только фундирует, но и фактически исчерпывает их. Вера переживается как препоручение себя Богу, нахождение себя в Божьих руках, сакральный диалог не квантуется в дискретных актах откровения, но выступает непрерывным условием протекания жизни, требуя не спорадических всплесков отправления культа, но перманентного духовного соответствия ситуации диалога, неизменной чистоты, что делает моральные требования приоритетными по отношению к ритуальным, не сводя их, однако, к жестко фиксированному (и тем самым формальному) канону (ср. с нормативной унификацией этико-поведенческих требований в религиях нетеистического типа). Это делает человека моральным сувереном, ставя его перед

необходимостью в уникальных условиях каждой конкретной жизненной ситуации осуществлять выбор исходя не из буквы, а из духа нравственных заповедей. Предельная теистичность протестантизма задает в его контексте и подчеркнуто заостренную, экстремальную форму личностной артикулированности Бога: для протестантизма типичен акцент не на его трансцендентных характеристиках, а на параметрах человекосоразмерной персонифицированности. В этой ситуации Христос не только выдвигается на передний план в структуре Троицы (характерный для протестантизма христоцентризм), но и артикулируется не столько в качестве олицетворенного Абсолюта, сколько в качестве олицетворяющего абсолютную моральность нравственного авторитета.

В контексте развития новоевропейского рационализма для протестантизма типична интенция не столько на мифологическое, сколько на историческое толкование Иисуса: реконструкции «исторической биографии» Христа в либеральной теологии (фон Гарнак, Тюбингенская школа); идея непосредственного присутствия Христа в мире в радикальной теологии Бонхеффера; трактовка теологии как экспликации экзистенциально-нравственного смысла жизни Иисуса и трактовка Христа как высшего морального образца в теологии «смерти Бога» (Христос как «свободный человек, воодушевляющий других быть свободными» у Бурена) и т.д.

Содержание П.Э., таким образом, имманентно самим основоположениям протестантизма: она не конституируется в специальную нравственную теологию именно в силу того, что семантически изоморфна протестантизму как таковому. Наряду со сказанным, снятие в протестантизме акцента с внешнего (доктринально-концептуального, культово-ритуального и нормативно-поведенческого) формализма не только придает особую значимость П.Э. в общей системе протестантизма, но и сообщает ей специфическую человекосоразмерность содержания, свободную от экстремальных парадигмальных матриц (ср. с традиционной христианской аскетикой).

Важнейшей тенденцией в развитии П.Э. является ее ориентация на раннехристианские идеалы любви и милосердия: от раннего «служить Богу есть не что иное, как служить ближнему, будь то ребенок, жена, слуга... кто телесно или душевно в тебе нуждается; это и есть богослужение» у Лютера — до движения ривайвализма (англ. revival — возрождение, пробуждение), выступившего с нравственной программой духовного пробуждения как возрождения истинной апостольской церкви (Д. Эдуарде, Ч.

Финней, Д. Муди, Р. Торрей, Ч. Инвуд, К. Морган, П. Дьюис, Ф. Майер и др.) и актуализации исходного содержания тезиса «Бог есть любовь» в теологии «смерти Бога» («евангельский христианский атеизм» Альтицера, призыв Гамильтона к переходу «от проблем веры к реальности любви» и т.п.).

В историческом разворачивании традиции протестантизма как содержательные, так и аксиологические основоположения П.Э. претерпевают существенную эволюцию. Для раннепротестантской этики характерна акцентировка идеи первородного греха, фундирующая собою трактовку природы человека как не способной (в обретенном после грехопадения качестве) к добру, что приводит к оформлению в раннем протестантизме парадигмы сотериологии, выражающейся тезисом *"sola fide"* — спасение *"верой единой"*; (ср. с католической концепцией *"добрых дел"*). В этом контексте раннепротестантская этика актуализирует высказанную Августином идею *"даром данной благодати"*, восходящую к библейскому сюжету о Дарах Святого Духа (I Кор. 12, 8—10). Гарантом спасения выступает крестная жертва Христа: исконно грешный, человек оправдан лишь этой искупительной жертвой (*"и оправданный, и грешный"*, по Лютеру), и личная вера в Спасителя есть, в первую очередь, доверие, поверение Богу и земной своей судьбы, и судьбы спасения своей души.

В отличие от этого, в зрелом протестантизме оформляется идея так называемого безрелигиозного христианства, основанного на презумпции *"совершеннолетия мира"* (Бонхеффер): в современном своем состоянии *"совершеннолетний мир"*, следуя требованиям *"интеллектуальной честности"*, должен отказаться от *"гипотезы Бога"*, служащей лишь эвфемизмом незнания, а следуя требованиям моральной самодостаточности — принять, наконец, на себя всю полноту моральной ответственности, доселе переадресуемой Богу, мыслимому в качестве *"избавителя от нужд и проблем"* (Гамильтон), и переориентироваться с индивидуалистских целей личного спасения на гуманистические цели альтруизма: *"быть христианином не означает быть религиозным... а означает быть человеком"* (Бонхеффер).

Исходная протестантская парадигма *"даром данной благодати"* заменяется парадигмой *"заслуженной благодати"*, обретаемой посредством мирского служения людям (что, в принципе, не противоречит изначальной нравственной максиме Лютера о *"служении ближнему"*). В теологии *"смерти Бога"* христианство интерпретируется как учение не о Боге, но о бытии человека в мире, в условиях которого образ Христа указывает человеку его место *"рядом с ближним"* — *"в борьбе за справедливость"* (Гамильтон).

В этом контексте ригоризм П.Э. эволюционирует от ранней парадигмы *sola fide* и предопределенности морального статуса (по формулировке Лютера, вера пробуждается в сердце того и тогда, кого и когда Бог избрал ко спасению) — к концепции перфекционизма (англ. *perfection* — совершенство), т.е. совершенствования человеческой природы посредством не акцентированных в раннепротестантской сотериологии *"добрых дел"*. Механизмом морального очищения выступает каждодневное вершение блага, и последовательное, поэтапное совершенствование на пути добра есть путь к святости (см. акцентировку в позднем протестантизме Плодов Святого Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера,

кротость, воздержание (Гал. 5:22—23), принципиальное отличие которых от Даров Святого Духа заключается в том, что они возрастают постепенно, путем внутреннего совершенствования личности, — в то время как Дары Святого Духа даются в готовом виде).

В рамках перфекционизма протестантизм гораздо более широко прорисовывает перспективы морального совершенствования, нежели другие христианские конфессии: если православие и католицизм признают возможность очищения лишь от так называемой личной греховности, то П.Э. предполагает возможность полного очищения (включая освобождение от первородного греха человечества) и достижение личной святости (перфекционистские «церкви святости», «движение святости» в рамках ривайвализма и т.п.). Важнейшей сферой перфекционных усилий индивида мыслится в П.Э. сфера трудовая: успешность в той или иной (любой полезной) деятельности мыслится как свидетельство богоизбранности, и под дарованной благодатью понимается в этом контексте призвание, трактуемое как призвание к конкретному виду деятельности и, в конечном счете, как профессия. Бог призывает человека к тому или иному труду, даруя ему задатки и способности, с одной стороны, и спрашивая потом, хорошо ли он ими распорядился, — с другой. Иначе говоря, профессиональное призвание понимается как Божий призыв (ср. лат. *vocatus* — зов и англ. *vocation* — профессия, нем. однокоренные *ruf* и *beruf* и др.).

Мастерство и его экономическая эффективность выступают, таким образом, как свидетельства богоизбранности, а постоянное совершенствование в своей специальности понято как моральный долг перед Богом, ответственность за исполнение услышанного призыва. В силу этого трудолюбие есть, с точки зрения П.Э., максимальная ценность («пуританская трудовая этика»). Профессионализм нужно реализовать, адаптировать социально. В этой связи профессиональная продуктивность и деловой успех выступают свидетельством достойного выполнения долга, лень же греховна, ибо праздный «не услышал» Божьего призыва.

(В этой системе отсчета в протестантизме происходит реинтерпретация милосердия: если в католицизме призрение нищих — «людей Божьих» — богоугодно, то протестантизм видит милосердие в предоставлении возможности обучиться ремеслу и работать. Во многих протестантских странах с 16 в. действовало жесткое законодательство против бродяг.) Концепция призвания как богоугодности центрирует всю систему протестантских моральных добродетелей: бережливость и приумножение капитала (начиная от Лютера: получить меньшую прибыль при возможности получить большую — значит, с точки зрения П.Э., согрешить перед Богом), трудовое воспитание детей, прилежание, честность в исполнении трудовых обязательств и соглашений и т.п. В качестве аксиологического максимума в данной системе отсчета в П.Э. выступают ценности социального соответствия — как в культурно-правовом (обязательность и законопослушание), так и в технологическо-производственном (прилежание и трудовая

и технологическая дисциплина) — и ценности частной жизни (семья и личное совершенство).

В качестве феномена европейской культуры П.Э., с одной стороны, детерминирована в своем возникновении и содержании социокультурными факторами, характерными для процесса перехода от традиционного к индустриальному обществу (парадигма перфекционизма как следствие общей интенции новоевропейской культуры на индивидуализм; идея пребывания в руках Божьих как смягчение состояния индивидуального одиночества, вызванного деструкцией традиционных общностей в индустриальном контексте и др.); с другой — сама выступает фактором становления и развития нетрадиционного общества, являясь мощным стимулом разворачивания индустриализма и оформления нетрадиционного типа менталитета (см.

Модернизации концепция), что было эксплицитно зафиксировано в философской традиции (У. Коббет, Дж. Тониоло, М. Вебер и др.).

М.А. Можейко